

Н. Аристов

**Московские смуты в правление царевны
Софии Алексеевны**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. Аристов**
Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны / Н. Аристов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 313 с.

ISBN 978-5-458-12026-5

Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны.

ISBN 978-5-458-12026-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОБЗОРЪ СОЧИНЕНІЙ, касающихся правленія цареvны Софіи Алексѣвны.



Когда Софія была въ силѣ и заправила всѣмъ русскимъ государствомъ, ея враги молчали или порицали ее втихомолку; а друзья и приверженцы хвалили и прославляли свойства и заслуги цареvны передъ отечествомъ. Изъ числа ея сторонниковъ въ этомъ отношеніи самое видное мѣсто занимаетъ монахъ *Силвестръ Медвѣдевъ*. Какъ въ высшей степени даровитый и образовавшій человекъ, онъ любилъ собирать различныя сочиненія и въ его библиотекѣ находилось болѣе 600 томовъ разныхъ сочиненій, отчасти польскихъ и латинскихъ. Онъ вступалъ въ сношенія съ людьми просвѣщенными, знакомъ былъ со всей почти славяно-русской библиографіей и любилъ самъ заниматься сочиненіями. Родившись около г. Курска, онъ, по близкимъ сношеніямъ съ юго-западной Россіей, познакомился съ ея ученостью и замѣтовалъ черты направленія ея жизни и возрѣвнн; этому содѣйствовалъ и учитель его Симеонъ Полоцкій. Знаніе латинскаго и польскаго языковъ, глубокая начитанность, дѣльныя сочиненія и, вдобавокъ, сильный характеръ справедливо доставили ему громкую славу (*Обзоръ архіеп. Филарета 246—8*).

Царь Θεодоръ Алексѣевичъ посѣщалъ Медвѣдева, когда онъ былъ строителемъ Законошпасскаго монастыря, переписывался съ нимъ собственноручно и смотрѣлъ на его мудрость съ глубокимъ уваженіемъ ¹⁾.

Послѣ Симеона Полоцкаго, онъ сталъ главнымъ духовнымъ лицомъ, при дворѣ Софіи и оставался вѣрнымъ стремленіямъ своего учителя, хотя не имѣлъ ловкости придворной царскаго духовника и наставника іезуитскихъ югозападныхъ школъ,—дѣйствовалъ рѣзко и энергично. И вотъ, этотъ-то человекъ, гонимый патріархомъ, обреченъ былъ раздѣлить судьбу сторонниковъ Софіи и сложить свою голову за приверженность къ цареvнѣ и за искреннія похвалы въ честь ея.

По обычаю времени и по образцу своего учителя, Медвѣдевъ превозносилъ въ стихахъ Софію. Вмѣстѣ съ Шакловитымъ, (*оба-уроженцы с. Новоспасскаго около г. Курска*), онъ старался возвысить личность царицы,—и съ этою цѣлью они устроили похвальную радею, которую говорили царицѣ братья Перекрестовы, послѣ 1-го крымскаго похода, а сочинялъ учитель Богдановскій. По ихъ же старанію, Богдановскій написалъ въ похвалу Софіи книжку о ея добродѣтеляхъ, какъ она „бунтъ утишила, и монастыри строитъ, и къ людямъ милостива, и премудра.“ За тѣмъ напечатанъ былъ ея портретъ и надъ нимъ „изліяніе седми даровъ Св. Духа,“ а подпись составлялъ отецъ Сильвестръ. Шакловитый всѣ листы носилъ къ Медвѣдеву, который ихъ, вѣроятно, проэктировалъ.

Заботясь, чтобы слава о царицѣ и за моремъ въ чужихъ краяхъ была великая, Шакловитый образчикъ портрета послалъ въ Голландію къ амстердамскому бургомистру Николаю Витзену, черезъ дьяка Андрея Виниуса, съ просьбою—снять съ него копию и написать полное наименование (*титулъ*) царицы, вмѣстѣ съ виршами на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ; стихи были сочинены С. Медвѣдевымъ. Виниусъ исполнилъ порученіе и послалъ за границу образцовый листъ. Витзенъ скоро выслалъ до сотни печатныхъ портретовъ Софіи Алексѣевны ²).

Но не вирши и похвалы Медвѣдева важны для насъ, а его замѣчательныя записки о правленіи Софіи. Какъ человекъ образованный по своему времени и какъ очевидецъ происшествій, С. Медвѣдевъ изложилъ разсказъ о нихъ въ высшей степени добросовѣстно и безпристрастно. Какъ точный бібліографъ, Медвѣдевъ собиралъ акты и неудивительно, что въ его запискахъ они служили основаніемъ для правдиваго разсказа: онъ не рѣдко включалъ ихъ въ текстъ цѣликомъ. Записки Медвѣдева передаютъ все отчетливо и точно; потому что ему исполнили были извѣстны событія, какъ современнику, видѣвшему всю картину разгорѣвшагося бунта, а какъ лицу, близкому къ правительству, ему доступны были многіе акты, переписанные имъ буквально ³). Кромѣ того, изложеніе и языкъ его записокъ обличаютъ въ немъ человека дѣльнаго и умнаго, который искусно распорядился матеріалами. Что же касается до сочувствія и неприязни къ разнымъ лицамъ, которыя выражены въ запискахъ Медвѣдева, то это дѣлаетъ честь автору въ пору схоластическихъ общихъ мнѣній; следовательно, онъ былъ личностію развитою, съ собственнымъ взглядомъ и убѣжденіемъ. А съ другой стороны, его пристрастіе къ Софіи слишкомъ преувеличено приверженцами Петра. Медвѣдевъ, какъ монахъ, не пускаетъ изъ виду моральной стороны обстоятельствъ, хотя говоритъ о дѣлѣ вовсе не съ точки зрѣнія аскетической, но по взгляду дѣльнаго и гуманнаго человека, для котораго всѣ люди равны и дорога

одна правда. Чѣмъ болѣе изучаешь записки Медвѣдева, тѣмъ сильнѣе увѣришься въ полной ихъ достовѣрности и находишь въ нихъ громадныя достоинства. Когда другіе писатели, враждебные царевнѣ Софіи, стараются найти причины I-го стрѣлецкаго бунта въ тайныхъ интригахъ, Медвѣдевъ справедливо указываетъ ихъ въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ: стрѣльцы взяли за оружіе, вслѣдствіе вопіющихъ злоупотребленій со стороны начальниковъ, сославшихъ правдивыхъ челобитчиковъ и притѣснявшихъ своихъ подчиненныхъ взятками и налогами. Поэтому онъ не ругаетъ стрѣльцовъ, какъ другіе, въ родѣ Матвѣева, — кровопійцами и исчадіями сатаны, но называетъ ихъ невѣжами и злыми, когда они выходили изъ предѣловъ, предписываемыхъ нравственностью, разсудкомъ и приличіями (*Зап. Сахарова 15—16*); онъ пишетъ о замѣчательно честномъ обѣщаніи стрѣльцовъ—никого не грабить, которое они сдержали рыцарски. Но онъ не скрываетъ ихъ недостатковъ, что они не удовольствовались государевымъ указомъ, руководились силетнями, бражничали и „возсвирѣгѣли тако, яко никому же дающе съ собою глаголати.“ Медвѣдевъ вовсе не относится къ стрѣльцамъ ни съ похвалою, какъ соучастникъ бунта, ни съ злобою, какъ врагъ ихъ; но слѣдитъ за ходомъ дѣла безпристрастно, старается выяснить причины бунта и отзывается о многихъ убитыхъ, какъ о людяхъ дѣльныхъ, принесшихъ пользу государству. Онъ пишетъ, что А. С. Матвѣевъ „бѣ человекъ остръ въ разумѣ, и гражданскимъ дѣламъ искусенъ зѣло;“ Г. Г. Ромодановскій, „искусенъ въ воинскомъ дѣлѣ и сильный мужъ;“ Ларіонъ Ивановъ, думный дьякъ, „мужъ въ дѣлахъ гражданскихъ и посольскихъ былъ разуменъ.“ Медвѣдевъ о Нарышкиныхъ говоритъ съ большимъ участіемъ и соболѣзнованіемъ, когда могъ бы удобно избѣжать симпатическаго выраженія своего взгляда, если бы чувство было не искренно. Замѣчательнѣе всего, что онъ о патриархѣ выражается съ глубокимъ уваженіемъ: „Святѣйшій патриархъ съ верху, между множества стрѣльцовъ, едва пройдетъ въ соборную церковь. Невѣжди же зѣло ему въ церкви досаждали всякими словесы, чесого было имъ и мысли не доведося.“ (*Зап. Сахар. 13—14*). Но самъ патриархъ съ своими приверженцами старались всѣми силами выставить на позоръ замѣчательную личность Медвѣдева, писали о немъ съ ненавистью и съ презрѣніемъ, когда привлекли его къ суду и онъ раскаялся; они злорадно относились, когда онъ унижался и слезно просилъ милости ⁴⁾).

Многія лица воскуряли еиміамъ Петру, Ломоносовъ восхвалялъ Елисавету, Державинъ—Екатерину II въ широкихъ размѣрахъ, и имъ никто не ставитъ въ упрекъ ихъ воспѣваній, а Медвѣдева всѣ обвиняютъ, что онъ былъ пристрастнымъ къ Софіи. Одна вѣжливость къ лицу правительственному заставляла современнаго писателя быть осторожнымъ въ

выраженіяхъ, каково бы это лицо ни было; если же это лицо дѣйствительно даровитое и заслуживающее похвалы, то и въ вину Медвѣдеву нельзя ставить подобной слабости, положимъ. Но онъ правъ въ томъ отношеніи, что дѣйствительно, благодаря энергій Софіи и ея распорядительности, 1-й стрѣлецкій бунтъ улегся скоро. Описывая его, авторъ прибавляетъ: „тогда бо по истинѣ видѣти бысть ослабѣніе рукъ у всѣхъ людей, яко иѣсть помогающаго и къ полезному укрѣпляющаго, мало бы не всѣ приказныя судилища опустѣша безлюдствомъ.“ (*Зап. Сахар. 16—21—24*). Въ эту-то страшную пору явилась на сцену энергическая царица. И слѣдов. его слова не слишкомъ преувеличены, когда онъ говоритъ: „Въ древніи роды чудодѣйствуя жены мудрыя благоволилъ Господь послати въ пособіе правленія царства князя Петра Ал., въ юныхъ его лѣтѣхъ воздвиже сестру его, царевну Софію Ал. Ей же данъ чудный смыслъ и сужденіе неусыпнымъ сердца своего окомъ, непрестанно творяще къ российскому народу велій трудъ.“ (*У Туманск VI, 82*). Подобные отзывы мы постоянно встрѣчаемъ о Софійи и у писателей, враждебныхъ ей.

Короче: каждое почти показаніе Медвѣдева въ настоящее время можно считать несомнѣннымъ послѣ обнародованія нѣкоторыхъ официальныхъ русскихъ актовъ, которые согласны и съ сказаніями современниковъ—иностранцевъ, особенно съ донесеніемъ датскаго резидента, вѣроятно—Розенбуша ⁵).

Донесеніе датскаго резидента Розенбуша отъ 19 мая 1682 г. подтверждается официальными русскими документами и представляетъ драгоценный памятникъ для изображенія 1-го стрѣлецкаго бунта. Онъ не только былъ очевидцемъ событій, но и самъ едва спасся отъ смерти. Розенбушъ находитъ причины волшеній въ положеніи дѣлъ тогдашняго времени, какъ и Медвѣдевъ, а не въ интригахъ Софіи ⁶). Другіе безпристрастные современники, писавшіе о правленіи Софіи, также не обвиняютъ ее въ интригахъ и козняхъ противъ Петра В. Стоитъ прочесть *Дневникъ Патрика Гордона*, чтобы увѣриться въ этомъ ⁷).

Иностранцы же наблюдатели и изслѣдователи русской жизни, хотя бы самые добросовѣстные, не могли избѣжать ошибокъ и промаховъ: одни руководствовались прежними подозрительными записками, выдаваемыми за свидѣтельства очевидцевъ и заносили въ свои дневники ложныя свидѣтельства предшественниковъ. Таковы свѣдѣнія, сообщаемыя *Кемпферомъ* и *Аврелемъ*, которые, между дѣльными замѣтками, помѣстили много невѣрнаго; но и они не знали ничего объ интригахъ Софіи. Другіе руководились національными стремленіями ⁸).

Записки Медвѣдева и донесеніе Розенбуша, какъ основательныя и добросовѣстныя, должны бы, казалось, отрезвительно подѣйствовать на

грядущее поколѣніе и внушить мысль, что причина 1-го бунта лежала въ общественномъ неустройствѣ разныхъ классовъ общества. Но страсти человѣческія искали своего оправданія въ цѣтригахъ частныхъ лицъ и въ мелкихъ событіяхъ.

Сторонники Петра на словахъ часто льстили царевнѣ, когда у ней была въ рукахъ власть, зорко смотрѣли, чья сторона возьметъ, чтобы примкнуть къ сильному. Даже дѣльныя и образованныя лица поставлены были въ необходимость хвалить Петра непремѣнно вмѣстѣ съ Іоанномъ и Софіей. Мы имѣемъ интересный образчикъ подобнаго восхваленія въ статьѣ Игнатія, новоспасскаго архимандрита и впоследствии митрополита тобольскаго, который написалъ „Свидѣтельство ко образу неизреченнаго Софіи премудрости слова божія о российскомъ благословенномъ царствіи“. Въ статьѣ своей онъ предлагаетъ вопросъ: „По чесому образъ Софіи премудрости слова божія извѣствуетъ свидѣтельство о московскомъ российскомъ царствіи?“ И за тѣмъ даетъ отвѣтъ: „По всему: царство московское—царство божіе и божіихъ угодищниковъ благочестивыхъ государей нашихъ царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и благочестивой сестры ихъ в. государыни и в. княжны Софіи Алексѣевны всея великія, малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ“. (*Подробности въ примѣч. 9*).

Въ грамотѣ своей въ Москву въ 1686 г. *патріархъ іерусалимскій Досифей* называетъ Софію: „обрацемъ добродѣтелей, отеческаго благородія пребываніемъ; царской державы строительницею, апостольской вѣры защитницею и поборницею“. „Тпшайшая православнѣйшая, пишеть онъ, Богомъ вѣнчанная, защитница христіанскаго народа, милостію божіею царевна, великая княжна московская, госпожа Софія Алексѣевна, самодержица всея великія, малыя и бѣлыя Россіи, многихъ государствъ восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ отчична, дѣдична, наслѣдница и обладательница, дщерь о Христѣ Іисусѣ возлюбленная отъ глубины сердца, возжелаемая“. Въ томъ же родѣ писалъ къ ней патріархъ цареградскій Діонисій въ 1686 г.: „рѣдко самого благого мужа украшаютъ четыре главныя добродѣтели: теплая вѣра, разумъ, мудрость, цѣломудріе, ты обладаешь ими всѣми. Теплую вѣру дѣлами показуешь, разумъ явила въ истязаніи приснопамятномъ (*въ преніи съ раскольниками*), мудростію ты предсѣдательствуешь и именовъ, и самимъ дѣломъ, какъ вторая Марѳа, а дѣвство сохраняешь, по примѣру пяти цѣломудренныхъ дѣвъ, съ ними же вгрядешь въ радость жениха“ (*Рус. Сл. 1852, XII, 421—2*).

Когда же пали вѣрные сподвижники Софіи, то оставшіеся друзья принуждены были бѣжать или скрывать старую приверженность къ ней, боясь

грозной опалы; осмысленные милостями Софіи, надутые гордыней и блиставшіе счастьемъ отъ ея благосклонности, измѣнили ей, заплатили черной неблагодарностью и увлеклись подачками ея враговъ. При деспотизмѣ Петра, не осталось ни одного изъ сторонниковъ царицы, который бы даже тайно втихомолку составилъ правдивый разсказъ объ этой замѣчательной женщинѣ. Дьякъ Андрей Винюсъ, который помогать, чтобы слава о царицѣ была великая и за моремъ, и способствовалъ напечатанію въ Голландіи ея портрета, — съ надежьемъ Софіи чуть не проклиналъ себя за то, что былъ посредникомъ между Шакловитымъ и Витзенемъ и невольнымъ виновникомъ распространенія ея славы. Съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія онъ объяснялъ на слѣдствіи (1690 г. 5 нояб.), что послать во 195 г. листъ“, опасаясь в. государей указу, а отъ Федьки какова зла, отказать ему не смѣлъ, а потому де его Федькину приказу тотъ образцовой листъ послать за море.“ Раскаяніе было полное и переходъ на сторону сильной партіи быстрый, какъ дѣлали всѣ иностранцы, начиная съ Гордона и вліятельныхъ лицъ, въ родѣ гегмана Мазепы; всѣ стали отрекаться отъ самыхъ невинныхъ отношеній къ ней прізнанныхъ. Когда партія Петра забрала въ руки всю власть, она усердно заботилась объ уничтоженіи всѣхъ прежнихъ сочиненій и другихъ знаковъ, выражавшихъ силу и власть Софіи, какъ то: ея портрета, монеты и т. под. Волей-неволей все дворянство должно было примкнуть къ партіи Нарышкиныхъ; являлись недовольные въ родѣ князя Козловскаго, который не хотѣлъ сидѣть за обѣдомъ съ Львомъ Кириловичемъ; но до энергическаго обнаруженія приверженности было далеко. Злобныя выходки прежнихъ сторонниковъ Софіи, Соковнина и Цыклера, обманутыхъ надеждой на счастье, ожидавшихъ возвышенія за измѣну царицѣ, ни къ чему не привели и только повредили ей, усиливъ подозрительность царя къ сестрѣ. Во время розыска по дѣлу Цыклера, въ первый разъ Ив. М. Милославскій явился главнымъ виновникомъ мятежа, какъ обвинялъ его этотъ полковникъ. Софія тоже, по его словамъ, подзывала его когда-то къ своему окну и подговаривала на убійство царя Петра. И хотя эти показанія весьма сомнительны, они возбуждали еще болѣе злобы и ненависти въ царѣ и его приближенныхъ къ друзьямъ Софіи. Правда, народный голосъ, въ лицѣ стрѣльцовъ, стоялъ еще за нее: они говорили о Софіи съ уваженіемъ и звали ее опять на тронъ; но послѣ ужасной картины стрѣльцкихъ казней 1698 г. все замолкло: ни одинъ звукъ, ни одно слово измѣнчиваго дворянства не раздались въ ея пользу. И не удивительно. При единодержавіи Петра, всѣ приверженцы прежней правительницы, въ виду грозной опалы, должны были молчать или тянуть въ одинъ токъ подъ управленіемъ суроваго капельмейстера. Онъ заставлялъ пи-

сать такую исторію при своей жизни, какая ему понравится, и не любилъ, когда говорили о темныхъ сторонахъ его царствованія.

Извѣстно, какого шума надѣлали заграничныя *Записки Корба*, которыя теперь во многихъ отношеніяхъ считаются правдивыми и добросовѣстными, а Петръ признавалъ содержаніе ихъ клеветой и требовалъ сожженія. Корбъ писалъ свои записки во время послѣдняго стрѣлецкаго погрома, слѣдовательно, когда уже не оставалось приверженцевъ Софіи или они боялись высказываться, и все, что онъ слышалъ, говорило не въ ея пользу. Впрочемъ, какъ правдивый писатель, онъ дѣлаетъ постоянно оговорки, что слышалъ отъ другихъ, или какая ходитъ общая молва, и эти слухи весьма интересны. По словамъ Корба, Петръ заточилъ свою сестру въ монастырь за многократные заговоры и злоумышленія противъ его жизни. Эти коварные замыслы Софіи начались очень рано. На похоронахъ царя Теодора, при угощеніи стрѣльцовъ, царица подлила отраву въ вино и сказала, что это сдѣлали бояре, которые извели ея брата Теодора; одинъ стрѣлецъ попробовалъ этого вина, но тутъ же упалъ мертвымъ. Это обстоятельство произвело страшный бунтъ; стрѣльцы возбудили 60,000 человѣкъ изъ народа къ мятежу; но нѣмцы взяли верхъ и, благодаря имъ, царь Петръ спасся отъ гибели. Въ началѣ бунта 1688 г. женевецъ Лефортъ, при возмущеніи Софіи, спасъ царя, явившись въ Троицкую лавру съ горстью солдатъ; съ тѣхъ поръ государь осыпалъ его непрерывными почестями. „*Общая молва*, по словамъ Корба, обвиняетъ царицу и въ томъ, что она была зачинщицею послѣднихъ смуть. “ Не смотря на крѣпкую стражу, царица ухитрилась передать письмо стрѣльцамъ въ хлѣбѣ, который относилъ имъ нищая старуха, надѣясь на богатое вознагражденіе. Софія призвала ихъ двинуться на монастырь, перебить караульных и начать кровопролитную борьбу; но хлѣбъ былъ перехваченъ. „*Царица Софія, о которой говорятъ*, что она, въ теченіи 14 лѣтъ, покушалась на жизнь своего брата, не разъ была виновницей возмущенія въ царствѣ. Ея козни и заговоры были обнаружены и принудили наконецъ брата ея и государя обезпечить свою собственную безопасность: онъ считъ это тѣмъ болѣе нужнымъ, что послѣднія смуты удостовѣрили его въ томъ, что въ Московіи ничто не будетъ прочно, доколѣ Софія пользуется свободою. Поэтому она была заключена въ Новодѣвичій монастырь подъ строгимъ надзоромъ царскихъ воиновъ; но, не смотря на принятія противъ нея мѣры предосторожности, честолюбивая царица обманула бдительность столькихъ глазъ: она обѣщала вновь возмущившимся стрѣльцамъ быть ихъ предводительницею, входила съ ними въ сношенія, посылала имъ совѣты, какъ дѣйствовать, указывала на обольщенія, которыми можно достигнуть успѣха. Царь самъ депрашивалъ ее касательно этихъ посяга-

тельство; неизвѣстно еще, что она отвѣчала, но то вѣрно, что царь оплакивалъ тогда какъ ее, такъ и свою судьбу. *Нѣкоторые увѣряютъ*, что царь хотѣлъ казнить ее, оправдывая свое намѣреніе словами: „примѣръ Маріи Шотландской, идущей изъ темницы подъ мечъ палача, по приказанію сестры Елизаветы, королевы англійской, указываетъ, что и я долженъ подвергнуть Софію моему царскому правосудію.“ Тѣмъ не менѣе, и въ этотъ разъ братъ простилъ преступную сестру, только въ наказаніе сослалъ ее въ дальнѣйшій монастырь „¹¹⁾“. Очевидно, Корбъ записалъ все, что слышалъ въ Россіи отъ высшихъ лицъ, которые производили слѣдствіе надъ приверженцами Софіи. Съ общаго голоса враговъ Голицына, онъ обвиняетъ этого вельможу въ измѣнѣ, какъ и И. А. Желябужскій, будто оберегатель погубилъ тысячи народа, погнавъ полки по горящей степи за взятки, которыя ему дали Татары. „Поворотилъ свои полки назадъ и гналъ ихъ чрезъ мѣста, охваченныя уже дымомъ. Многія тысячи погибли ужасною смертію, задушенныя убійственнымъ чадомъ. Скоро открыли виновника толкаго урона: золото, пайденное въ значительномъ количествѣ въ казнѣ Голицына, обличало злоумышленника; за тѣмъ онъ *самъ признался* въ томъ, что его побудило къ измѣнѣ. Лишенный всего своего имѣнія, князь сперва въ Сибири занимается ловлею соболей.“ Вообще Корбъ не благоволилъ къ русскимъ, считая ихъ народомъ невѣжественнымъ, который относился не лестно къ иноземцамъ, навязывавшимъ Россіи свои высокія знанія и общественные порядки. Большая часть москвитянъ, говоритъ онъ, по самой природѣ своей, имѣютъ столь варварскіе нравы, что не терпятъ благодѣяній, вносимыхъ въ ихъ отечество иностранцами ¹⁰⁾).

Самолюбивому иностранцу прощительно было ошибаться, (эти образцы и доселѣ у насъ предъ глазами): онъ смотрѣлъ на стрѣльцовъ и на партію Софіи, какъ на враговъ европейской цивилизаціи; но совѣстно позднимъ русскимъ писателямъ, которые промахи Корба выдавали за несомнѣнные факты.

Польскіе писатели тоже руководились при взглядѣ на правленіе Софіи чужими мнѣніями и писали по слуху. Они разглашали, что стрѣлецкіе бунты въ Россіи—дѣло двухъ придворныхъ партій; судили по вѣщности, не вникая во внутреннія движенія; иногда говорили вѣрно въ главномъ, но ошибались въ подробностяхъ. Вотъ сущность ихъ рассказовъ, которая заключается въ донесеніи одного неизвѣстнаго польскаго писателя: *Diariusz zabóystwa tyrańskiego Senatorów moskiewskich w Stolicy, roku 1683* ¹¹⁾. По смерти царя Алексѣя Мих. выступили двѣ партіи. Во главѣ Нарышкиныхъ стоялъ А. С. Матвѣевъ; онъ тайно дѣйствовалъ на стрѣльцовъ; во дворцѣ, среди ночи, онъ объявилъ о смерти

царя и посадилъ младшаго царевича Петра на царскій престолъ, доказывая, что Θεодоръ боленъ и неспособенъ къ управленію. На сторонѣ Милославскихъ стоялъ Долгорукій, опекунъ Θεодора; онъ обратился къ патріарху, вынесъ на рукахъ больнаго Θεодора и посадилъ его на тронъ. Матвѣева обвинили въ чернокнижьѣ и сослали въ Верхотурье. Первая супруга царя Θεодора, Агата Грузеска (*Агавья Грушецкая*), полька родомъ, имѣла доброе вліяніе на Θεодора: подъ ея вліяніемъ, царь позволилъ завести въ Москвѣ школы польскія, даже обѣщавъ дать право на построеніе католической церкви. Другая супруга Θεодора, Марья Евпраксимовна (*Марья Матвѣевна Апраксина*), настаивала на томъ, чтобы царь возвратилъ Артамона изъ ссылки. По смерти Θεодора, Софія, противъ обычая страны, по которому должна оставаться въ теремѣ, участвовала при погребеніи царя: Петръ съ матерью удалился изъ церкви прежде окончанія обряда и этимъ возбудилъ неудовольствіе народа и духовенства. Царевна Софія и ея сестры жаловались на Петра и его родственниковъ за неуваженіе къ своему брату. Мать Петра отвѣчала, что Петръ еще мальчикъ, что онъ не могъ вынести столь продолжительный обрядъ, утомился и поэтому долженъ былъ выйдти изъ церкви. „Оставьте въ покоѣ умершаго, — сказалъ при этомъ Иванъ Нарышкинъ, — нашъ царь не мертвъ, а живъ.“ Петръ хотѣлъ посѣтить смущенныхъ его поступкомъ царевенъ, своихъ сестеръ, но онѣ отказали ему. Между тѣмъ Софія, идя домой съ погребенія, сильно жаловалась народу на оскорбленіе, сдѣланное царемъ Петромъ и Артамономъ; она говорила къ народу: „Ужели вы не видите, что нашъ братъ царь отравленъ злыми людьми? Сжальтесь надъ нами, у насъ похитили родителей и братьевъ. Вы видите, какъ обошли другаго брата нашего Іоанна и не выбрали его въ цари. Если мы вредны для васъ и для бояръ, то пошлите насъ въ страны иныхъ государей, въ страны христіанскія.“ Этой рѣчью Софія народъ былъ сильно смущенъ; а между Софіей и Натальей разгорѣлась жестокая вражда; царевна совѣтуется съ Милославскими и Хованскимъ, послѣдній дѣйствуетъ на стрѣльцовъ. Софія скрыла Іоанна въ своей комнатѣ и распустила молву, что царь Іоаннъ удушенъ Иваномъ Нарышкинымъ; оттого и возгорѣлся стрѣлецкій бунтъ. Хованскій домогался участія въ правленіи; но чины и бояре поручили заправлять дѣлами Софіи и просили, чтобы она не возвращалась въ Москву. Хованскій силой принудилъ вдову канцлера Ларіона, убитаго стрѣльцами Іасе, (*вдову думнаго дѣла Иванова*), выйти за себя замужъ, и черезъ двѣ недѣли у нея родился сынъ. Хованскій на совѣтѣ предлагалъ вельможамъ, чтобы они выбрали его въ правители до совершеннолѣтія царей. Софію онъ думалъ выдать за мужъ за своего сына, обѣщая, что онъ такимъ образомъ удержитъ московское государство въ невозмутимомъ спокойствіи, спасетъ его отъ сосѣ-

дей-враговъ и проч. Всѣ воспротивились предложеніямъ Хованскаго; когда поняла его намѣреніе царевна, она стала придумывать, какъ бы отдѣлаться отъ него. Черезъ нѣсколько времени, Софія позволила сыну Хованскаго войти къ себѣ; онъ былъ очень молодъ и казался ей негоднымъ къ браку; посмотрѣвъ на него, она засмѣялась и сказала, „что онъ больше способенъ быть ея лакеемъ, чѣмъ ея мужемъ“¹²⁾.

Производство иностранныхъ записокъ, мемуаровъ и разныхъ писемъ особенно сильно было во время путешествія Петра В. по Европѣ и вслѣдъ за тѣмъ. Писатели старались поскорѣе отыскать разныя свѣдѣнія о Россіи и сообщить для удовлетворенія возбужденнаго тогда любопытства европейцевъ. И вотъ нахватанныя разныя свѣдѣнія изъ десятихъ рукъ приводились въ порядокъ разными аферистами и выдавались за наблюденія и свидѣтельства очевидцевъ. При такомъ состояніи и настроеніи общей любознательности, предположенія частныхъ лицъ являлись фактами. Главная мысль, которая руководила перомъ всѣхъ иностранцевъ, это — удивленіе къ энергическому царю Петру, который старался познакомить свой варварскій народъ съ европейскою цивилизаціей, самъ пріѣхалъ учиться всему доброму и училъ подданныхъ. Пріятно быть народомъ—учителемъ другихъ народовъ, цивилизаторомъ варваровъ. Поэтому, незная прежней Россіи, европейцы увидѣли себя спасителями русскихъ отъ невѣжества и дикости, уничтожая все хорошее въ древнемъ. Началось рожденіе Россіи только съ Алексѣя Михайловича.

Саксонецъ Шлейзингъ, какъ пишетъ самъ, жилъ въ Москвѣ около двухъ лѣтъ (съ 22 апр. 1684), хотя вовсе не видалъ Россіи; о царевнѣ Софіи говорилъ мало, прибавивъ, что она *tanzet nach dem Closter*. Дальновидные писатели чуть не считаютъ этого выраженія пророчественнымъ; но дѣло объясняется просто: Шлейзингъ, издавъ свою компиляцію уже въ 1688 г., когда шаткое положеніе Софіи обнаружилось¹³⁾. Такого же свойства и компиляція *Крѣлл*, изданная въ 1699 г. подъ именемъ англичанина *Бове* (Bouvet); онъ никогда не бывалъ въ Россіи и высказывалъ нахватанныя чужія мнѣнія¹⁴⁾. Онъ пишетъ, что царь Теодоръ назначилъ наследникомъ, передъ смертью, младшаго своего брата Петра, почитая Іоанна неспособнымъ къ правленію. Но Софія, будучи честолюбива, употребила всѣ свои проски для возложенія короны на своего брата Іоанна, или, паче сказать, на себя. „Къ лучшему достиженію сего намѣренія, она старалась распространить слухи, будто покойный царь Теодоръ Алексѣвичъ, братъ ея, опоевъ былъ ядомъ отъ своихъ лекарей, по наущенію знатныхъ бояръ, имена коихъ нарочно были объявлены, яко виновниковъ и споспѣшествователей толь ужаснаго преступленія. Зная, что болѣе всего она можетъ утвердить свои пользы привлеченіемъ на свою сторону стрѣльцовъ, велѣла также разгласить, будто при дворѣ принято